

Вадим
Чернышев.

**КТО, КТО
В ТЕРЕМОЧКЕ
ЖИВЁТ?**

25 коп.

РИСУНКИ С. КУПРИЯНОВА

Для дошкольного возраста
Вадим Борисович Чернышов
КТО, КТО В ТЕРЕМОЧКЕ ЖИВЁТ?

Рассказы
ИБ № 908

Редактор Б. Цыбина. Художественный редактор О. Ведерников. Технический редактор Е. Соколова. Корректор Н. Шадрина. Сдано в набор 02.10.79. Подписано в печать 18.04.80. 84х108/16. Бум. офс. № 1. Гарн. «Балтика». Печать офсет. Усл. печ. л. 3,8. Уч.-изд. л. 2,71. Тираж 150 000 экз. Изд. № 5419. Заказ № 203. Цена 25 коп. Издательство «Малыш», Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

ч 70801—092
М102(03)—80 94—80

© Издательство «Малыш» 1980

электронная версия
SHAMAN57
2014

ПОРА ПТИЧЬИХ ГНЁЗД

Весной, как только возвратятся из тёплых краёв перелётные птицы, наступает хлопотливая пора постройки гнёзд.

В радостном оживлении ищут большие и малые птицы укромные, безопасные места, ладят в них гнёзда — каждый по своему вкусу и умению: кто в уютном дупле, кто в развилке ветвей, а кто — просто на земле, выкопав небольшую лунку. И материал подбирают кто во что горазд: вороны и сороки строят свои дома из сучьев, дрозды — из сухих травинок, ласточки — из комочков грязи, слепленных своей слюной. В дело идёт каждый клочок шерсти, обронённый линяющим лесным зверем — зайцем, лисой или лосем, годится любая случайная тряпочка.

Весело наблюдать, как грачи, громко крича, чинят растрёпанные зимними ветрами гнёзда на берёзах, как бегают по спинам дремлющих на солнышке коров скворцы, высматривая клочок вылезшей линной шерсти, чтобы унести в свою скворечню, как синичка вьётся у стены бревенчатого дома, пытаясь выдернуть мохорок ослабшей между брёвен пакли-конопатки...

Все птицы, которых мы видим весной, где-то имеют гнёзда.

Но где?

Найди-ка попробуй искусно спрятанное от посторонних глаз гнездо!

Я хочу рассказать несколько маленьких историй, связанных с птицами, гнёзда которых мне привелось увидеть.

СОЛОВЬИНОЕ ГНЁЗДЫШКО

Много лет назад, когда я ещё не учился в школе, мы жили на краю большого заброшенного парка. Его заросли казались мне дикими джунглями, в которых я представлял себя то ловким индейцем-охотником, то путешественником, открывающим новые страны. Забравшись однажды в его глухой дальний угол, я нашёл птичье гнездо. Оно было тщательно спрятано в густом кустарнике, но маленькая буровато-серая птичка сама выдала его, молча вспорхнув перед самым моим носом. Гнёздышко висело невысоко над землёй, я мог в него заглянуть. В нём на мягкой подстилке из сухих травинок и шерсти аккуратно лежали острыми концами внутрь четыре пёстрых яичка.

Встревоженная птичка перепархивала неподалёку в ветвях черёмухи. Как она называется, я не знал. Но я слышал, что трогать яйца никоим

образом нельзя, потому что птичка после этого может покинуть гнездо. Я решил больше не беспокоить сегодня птичку и наведаться в другой раз. Мне хотелось получше разглядеть её и понаблюдать, что получится из красивых блестящих яичек.

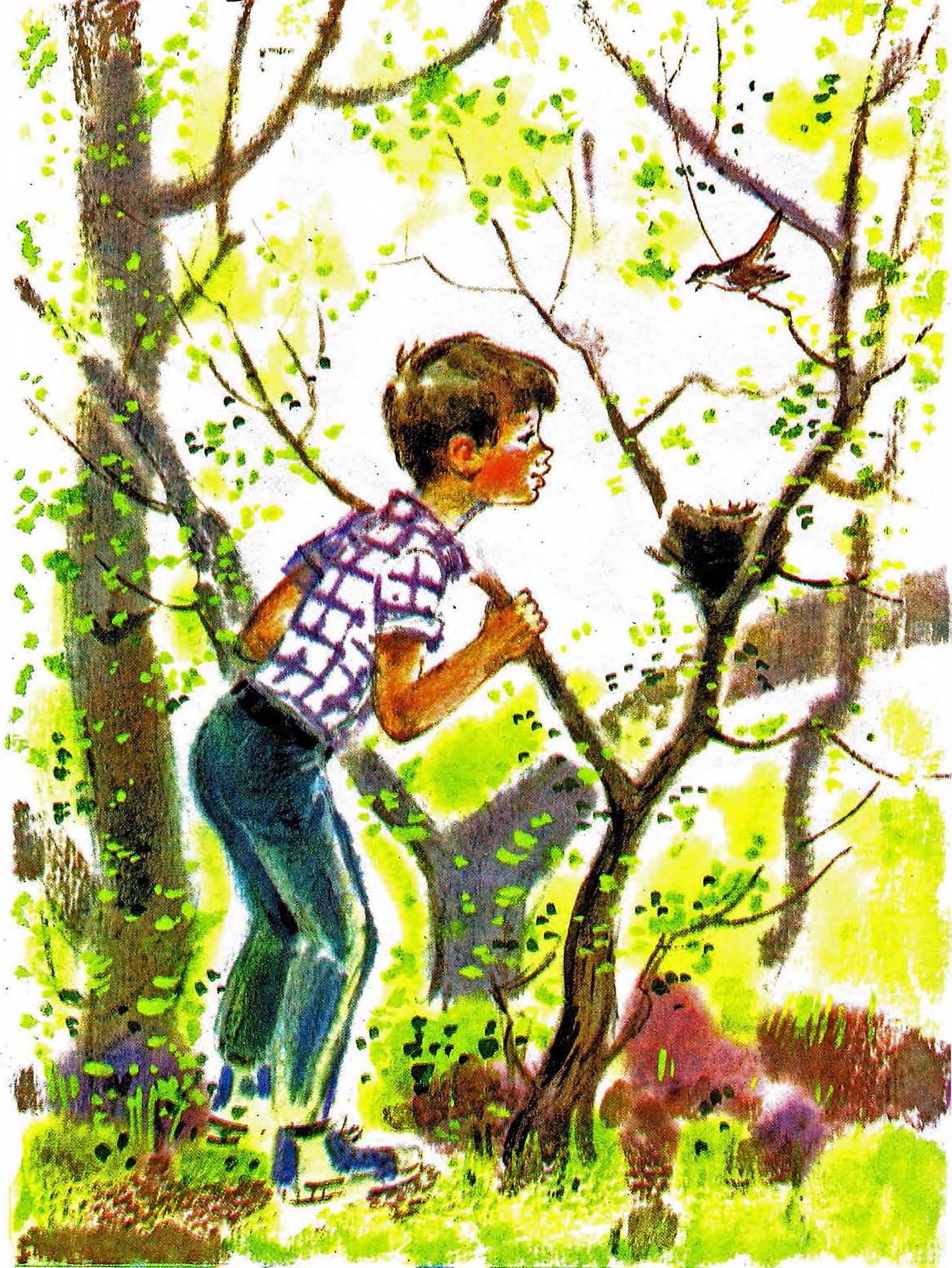
Очень осторожно, крадучись, я подошёл на следующий день к замеченному кусту. Птичка неподвижно сидела в гнезде, втянув голову в плечи и задрал тонкий острый носик. Не решаясь подойти ближе, я долго стоял против гнезда. Сквозь молодую листву лип пробивалось солнце, весёлые зайчики играли в кустах и на влажной

пахучей земле, усыпанной лепестками отцветшей черёмухи. Парк был полон птичьих голосов: в вершинах деревьев сладко распевала иволга, где-то поблизости рассыпался бесхитростной песенкой зяблик, посвистывал возле дупла скворец. В черёмухе защёлкал соловей. Он сидел совсем близко, и мне видно было, как надувалось и клокотало его горло. Соловей пел на черёмухе и на следующее утро, и через день, и я догадался, что обнаруженное мной гнездо принадлежит соловьихе.

Это гнездо стало моей тайной. Чтобы не привлечь к нему чьё-нибудь внимание, я пробирался к заветному месту кружным путём, убедившись перед этим, что за мной никто не следит.

Птички уже привыкли ко мне. Соловей пощёлкивал, посвистывал на черёмухе, а соловьишу я мог даже погладить по спине — она только плотнее вжималась в гнездо и поглядывала на меня большим чёрным глазом.

И вот в один прекрасный день я увидел на земле под гнездом тонкие, невесомые скорлупки. У соловьиши появились птенцы! Но как они были страшны! Голые, с длинными морщинистыми шеями, на которых не держались лысые, чуть прикрытые редким пушком головы. Под тонкой синеватой кожицей проступали косточки, а выпученные огромные глазищи темнели под полупрозрачной, как пергамент, плёнкой. С разочарованием и жалостью рассматривал я долгожданных

соловьят. Они неприятно, по-змеиному, копошились и подминали друг друга.

Слабые и беспомощные, птенцы нуждались в защите! Их могли обидеть вороны, могли утащить кошки или ласка, которую я видел как-то в нашем дровянике. Мне казалось, парк кишел их врагами! Но чем могла помочь маленькая соловьи́ха? А на соловья вовсе не было надежды: он всё пел да пел на своей черёмухе и не обращал на соловьят внимания. И я теперь подолгу торчал возле гнезда, будто стоял при нём на часах.

— Куда это ты исчезаешь после завтрака? — недоумевала мама. — Как будто сквозь землю проваливаешься...

Но я отмалчивался и с ещё большей осторожностью пробирался к соловьиной семье.

Соловей теперь не пел. Ему тоже стало не до песен. То один, то другой — родители подлетали к гнезду и торопливо совали в крикливые широко открытые воронки ртов корм: крошечных мушек и комаров. Сколько же их нужно было наловить, чтобы прокормить такую голодную ораву!

Но соловьята росли не по дням, а по часам. Очень скоро они покрылись серыми мягкими пёрышками и подросли настолько, что гнездо стало им тесным.

Мне вздумалось помочь соловьям выкормить прожорливых птенцов. Я наловил в спичечный коробок мелких мушек, но соловьята не понимали, чего я хотел, и отказывались от моего угощения. Они сидели на краю гнезда, ждали родителей и радостно встречали их, мелко трепеща крылышками.

В конце июля гнездо опустело. Подросшие соловьята покинули его и улетели куда-то вместе с родителями. Несколько раз я наведывался к гнезду — не вернутся ли соловьята? Но птиц не было. И только гнездо, казалось, всё ещё хранило их запах — запах тёплых перьев.

Вспомнив зимой о гнезде, я забрёл туда на лыжах и обнаружил его на снегу. От ветра и осенних дождей оно немножко смялось и начало расползаться. Я взял его домой и положил на свою полку. Глядя на него, на замёрзшие, доверху разрисованные морозом окна, я вспоминал соловьиную семейку: где, в каких краях переживают птицы суровую зиму, чтобы по весне снова вернуться в наш старый парк?

ОТВАЖНАЯ МУХОЛОВКА

Серая мухоловка сделала гнездо в нашем саду на старой груше. Я никогда не видел мухоловкиных яичек и решил слазить на дерево, чтобы заглянуть в гнёздышко. Это, конечно, должно было обеспокоить птичек и, кроме того, представляло опасность, потому что там, где темнело в развилине сучьев гнездо, груша была тонкой и могла обломиться.

Но, к сожалению, я не был образцовым мальчиком. Об этом мне частенько говорили взрослые, когда я дразнил кошек, злил легко впадавшего в ярость барана Бекешку, стрелял из рогатки и делал другие неблагоприятные поступки. Правда, если такие поступки нечаянно причиняли зло другим, я в душе упрекал себя и раскаивался.

вался. На некоторое время это удерживало меня от дальнейших неблагоприятных поступков, но всё-таки их было ещё очень много...

Итак, я решил добраться до гнезда. Тот, кто лазал по грушам, знает, конечно, какое это колючее и цепучее вредное дерево. Едва коснулся я жёстких грушевых ветвей, как был схвачен их сплетением, преградившим путь к гнезду. Колючие ветки царапали мне руки, лицо и шею, крепко цеплялись за штаны и рубашку. Пока я отво-

дил рукой одну ветку, другая вонзала в меня свои цепучки и не давала ходу. Я не успел воспользоваться отсутствием птичек, чтобы поглядеть гнездо, и, когда вернулась мухоловка, сидел в ветвях всего на полпути к нему.

Как была удивлена и перепугана птичка! Тот, кто обычно ходил по земле, лез теперь на её грушу! Мухоловка пищала, металась по ветвям, висела в воздухе перед моим лицом, и я чувствовал на щеках дуновение её бившихся крыльев. С широко раскрытым от волнения клювом она садилась на ветку, смотрела на меня тёмным испуганным глазком и, наверное, соображала: что

можно ещё придумать, чтобы согнать с дерева того, кто лез к её гнезду?!

Жмурясь от крыльев бившейся рядом мухоловки, я упрямо продолжал карабкаться наверх.

И тогда отважная птичка решилась на крайнее. Она села мне на голову и стала тюкать меня в макушку. Но что она могла сделать своим слабеньким, тоненьким клювиком, пригодным только для ловли мушек? Ведь им, таким клювиком, не разгрызть даже подсолнечного семечка! Да и не нужны ей семечки, ведь она — мухоловка!

Но другим оружием она не располагала, и выбора у неё не было. Мне, конечно, было не больно. Нисколечко не больно! Но почему-то мне стало очень стыдно. Я слез с груши и решил больше на неё не лазать.

И я не лазал. И потому я до сих пор не знаю, как выглядит внутри мухоловкино гнездо и как лежат в нём яички.

ГОРИХВОСТКА-КВАРТИРАНТКА

Мой загородный домик — летний, без печки, и зимой я в нём не живу. Но как только устанавливается тёплая весенняя погода, я еду проветривать заколоченную дачку.

Люблю я эти свидания со своим зелёным домиком! Кажется, что он, заметив меня издали, начинает радоваться и крутиться, как собака на привязи:

— Ну, наконец-то! Заждался я тебя, хозяин!

Со мной приезжает мой весёлый, непоседливый спаниель Хват. Он тщательно обнюхивает все дорожки, все ступеньки крыльца: кто побывал тут без нас за долгую зиму и оставил свои следы? Я открываю двери и окна, и в настывшие комнаты вливается апрельский воздух. Глотнув его, дом потягивается, расправляет морщины стен и поскрипывает половицами:

— У-ух, хорошо! Бр-р, намёрзся я тут в январские холода!

Пока я отколачиваю окна, убираю пыль и пересохшие осенние листья, Хват ругается через штакетник с соседскими котами:

— Р-расповಾದились тут ходить без меня! Чтобы духу вашего не было!

На лай собаки приходит соседка Анна Ивановна. С её приходом дом как будто настораживается и притихает: именно она, Анна Ивановна, присматривает за ним в моё отсутствие.

— Всё, всё хорошо, — говорит она нараспев, уложив руки на животе и наблюдая за моими хлопотами. — Всё, всё в порядке... Весной, как начало таять, снежок сгребла, канавку пропрудила — болото и сошло... И в ящик почтовый заглядывала — не было тебе почты. Все знают, наверное, что ты на зиму в город уезжаешь.

Анна Ивановна приносит в дом новые запахи: дымного костра из прошлогодних листьев и мусора, свежевскопанной земли.

— Да! — спохватывается вдруг она, лукаво улыбнувшись. — Чуть не забыла: я ведь квартирантку к тебе пустила!

— Какую квартирантку? Вы же знаете — я никогда ничего не сдаю!

— Да ты погляди сначала, красотка-то какая! Уж въехала, живёт!

— Куда въехала? Я только что дом открыл... Анна Ивановна! Объясните, пожалуйста! Ничего не пойму.

— Ну, ладно, не пугайся. Сейчас я тебе всё покажу.

Она повела меня к калитке. Заметая ушами мусор на дорожке, спаниель забежал вперёд.

— Обожди, Ухват, обожди, — придержала его Анна Ивановна, по-своему переиначивая собачье имя. — Напугаешь жиличку.

— Какую жиличку? И почему мы идём прочь от дома?

— Ух, какой ты нетерпеливый... Вон — видишь? — из щелей почтового ящика вроде как конопатка торчит? Ну вот, слушай. Навела я как-то твой ящик, а в нём вместо писем-газет мусор накидан. Я его выгребла, через денёк-другой заглянула — опять мусор. Что такое? Ну, думаю, не иначе, как Витька Паровозников, озорник наш, привет тебе через ящик шлёт. Шкодник, каких поискать. Он перед этим соседского кота суриком выкрасил. Я к нему: «Зачем всякий хлам в ящик суёшь? Разве тебя этому учат в школе?» —

«Нет, — говорит, — не учат, не я это сделал». — «А кота суриком — тоже не ты?» — «Ну, — говорит, — то другое дело. Операцию «красный кот» мы проведём по всей улице, чтобы садовые птички крашенных котов за версту видели и не позволяли им подкрадываться». В общем, не признался этот Витька. Ну, ящик я опять почистила, подхожу на прошлой неделе, а оттуда пташка вылетела. Красивая! Порх, и хвостик у неё, как огонёк, пыхает. Ага, думаю, вот кто ветошку натаскивал! Почтовый ящик под гнездо приспособила.

И верно! Пока мы с соседкой на крыльце обсуждали, чем нынче крыжовник опрыскивать от вредителя, к почтовому ящику дважды подлетала лёгкая и стройная красивая птичка — гори-

хвостка. Что-то в гнездо подтаскивала. А потом прилетел и горихвост — франт с чёрными щёчками и чёрным галстучком, заглянул в ящик, взлетел на берёзу и возвестил округе звучной песенкой, что и ящик, и палисадник им заняты.

Ну, что тут делать? Пришлось мне, чтобы птичек не тревожить, запереть мою калитку и ходить через участок Анны Ивановны. И почтальоншу Надю предупредил, чтобы почту мою в соседский ящик опускала.

В начале лета горихвостки выбросили из гнезда нежно-голубые, как тончайший фарфор, яичные скорлупки, и из ящика стали доноситься то дружный писк птенцов, встречающих своих родителей, то тихое, полусонное пиканье в ожидании кормежки. Целыми днями горихвостки хлопотали на участке, вылавливая в крыжовнике насекомых. Не нужно стало и опрыскивать! Порх! Порх! Порх! — вспыхивали то тут, то там яркие огоньки их раскрывавшихся подвижных хвостов. А потом в ящике стало тихо. Видно, молодые горихвостки покинули гнездо и разлетелись по дачным садам. Тогда я повесил около калитки новый металлический синий, пахнувший краской почтовый ящик, а старый фанерный прибил в углу за кустом жасмина.

Может быть, ещё кому-нибудь пригодится.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Свой отпуск я решил провести на острове в безлюдной брошенной деревеньке.

Мне удалось добраться туда только под вечер. Пала роса, влажные заросшие пожни выдохнули туман — лёгкий, будто дымок рыбацкого костерка. Большое красное солнце посидело на кудлатой сосне и покатилося за лес, выжигая себе путь в чёрной хвое.

Не успел я отворить скрипучую дверь в сенцы, как мимо моей головы резанула воздух лёгкая тень. «Здесь нетопыри шуршат крылами...» — вспомнились где-то прочитанные слова.

Но это была не летучая мышь, а обыкновенная деревенская ласточка-касатка, я успел разглядеть её в вечернем небе.

Ну вот и начался долгожданный отпуск!

Я посидел на крылечке, любуясь закатом и притихшим к ночи огромным озером, на берегу которого чернела моя лодка с высоким и загнутым, как у индейской пироги, носом. Где-то гомонили перед сном чайки, бодро кричал в некошеной пожне дергач. Стало темнеть. Пришло время готовить себе первый ночлег в пустом молчаливом доме.

Утром меня разбудила негромкая воркотня, журчавшая, как ручеек в камнях. Я прислушался. Журчание раздавалось за стеной в сенях. Потом всё смолкло.

Но через несколько минут всё возобновилось—приглушённый писк птенцов и очень ласковая, ободряющая материнская воркотня. Я вспомнил

вчерашнюю ласточку-касатку и подумал, что у неё в сенях гнездо.

Так оно и было. Я заметил его сразу, когда стал осматривать днём свои временные владения. Серое полукруглое гнёздышко было прилеплено в углу между дощатым потолком и толстенной балкой-матицей, тянувшейся через просторные сени. В узкой щели — летке гнезда виднелись белогорлые плоские головы присмиревших птенцов с жёлтыми и широкими, как у лягушки, ртами. Они удивлённо посматривали на меня из сумеречного угла: в доме, который они, наверное, считали только своим, появился ещё кто-то, большой и шумный! Он с грохотом колет дрова, под его ногами скрипят половицы. Для того чтобы выйти на улицу, он открывает дверь

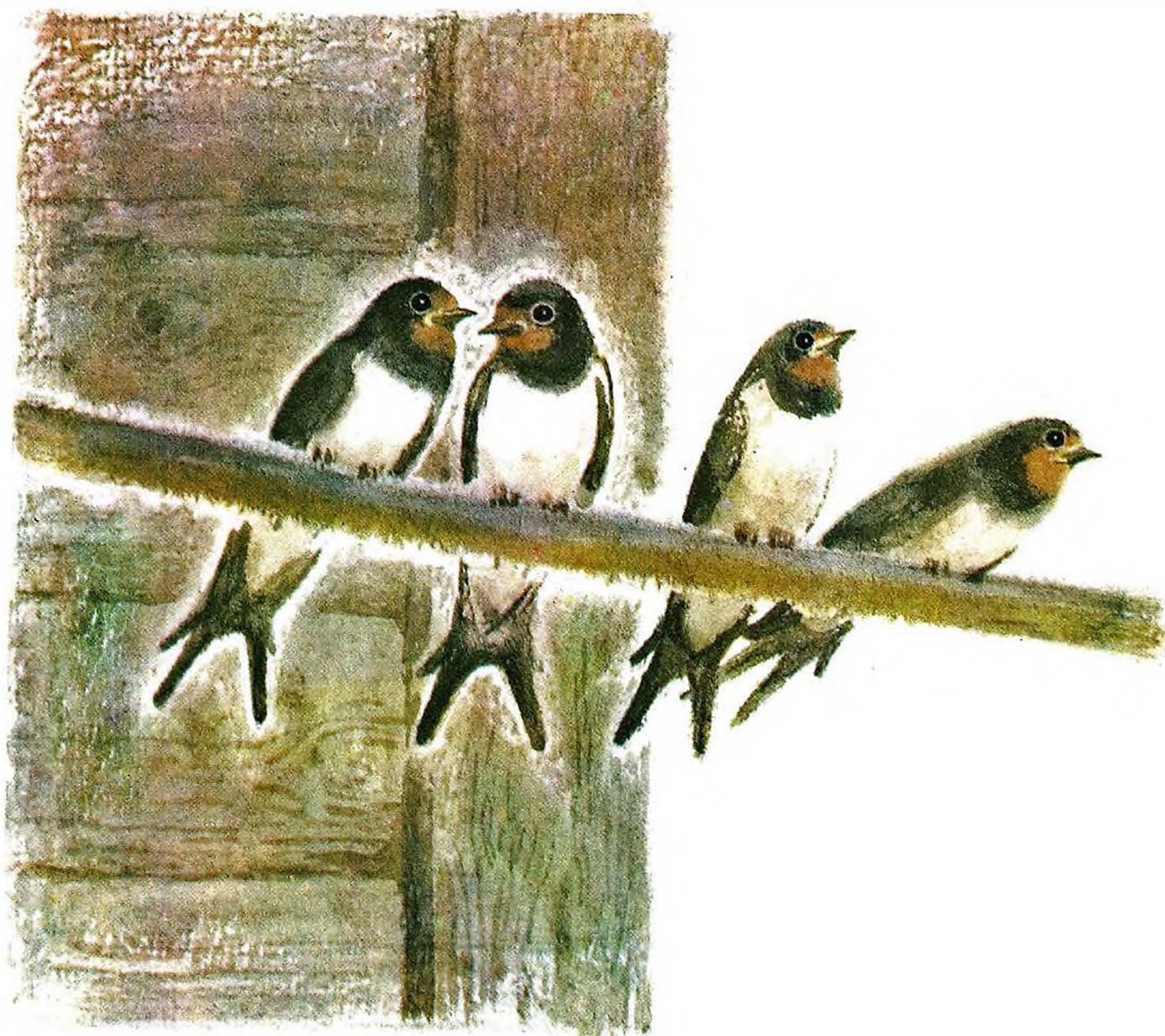

с громыхучим кольцом, а не вылетает, как мать, в крошечное оконце с разбитым стеклом.

Ну что ж, будем жить под одной крышей!

Это было очень приятное соседство. Ласточка скоро перестала опасаться и кормила детей при мне. Она стремительно влетала в разбитую шипку окошка, висла на сером шершавом гнезде, слепленном из комочков грязи, и совала принесённый корм в широкие лягушачьи рты. И каждый раз что-то журчала заботливо, уговаривая, должно быть, не скучать, обещая скоро вернуться — как будто любовно оглаживала птенцов ласковым и торопливым, счастливым голоском.

В деревеньке, оставленной переехавшими в город людьми, касаток было много. Я подолгу смотрел, как они неумоимо купаются в ясном небе, охотясь за мушками, как ныряют ловко в узкие, точно бойницы, оконца хлевов, как проносятся над самой землёй и словно бы «стригут» крыльями траву-мураву заросшей деревенской улицы. Вместе с другими приметам, по которым я старался предугадать погоду на завтра, — формой облаков и цветом закатного неба, криком ггары на озере и паучками, ткавшими паутину

под навесом крыльца — ласточки были моим «живым барометром». Если касатки начинали «стричь» траву — значит, надвигалось ненастье.

Так жил я по соседству с ласточками почти месяц. Я привык к ним и, проснувшись, с удовольствием слушал их милую воркотню. От их ласкового, журчливого разговора у меня теплело на душе и на весь день устанавливалось хорошее настроение.

Возвратясь однажды с рыбалки, я обнаружил весь выводок на улице. Молодые ласточки важно сидели на шестике, который подвешивают вдоль стены для просушки половиков. Они, наверное, были ошеломлены простором мира, открывшимся им после полутёмных сеней. Удивлённо оглядывали они озеро, лес и луг, посматривали в небо

с купавшимися в нём ласточками. Небо ждало их, а подросшие птенцы, казалось, всё никак не могли собраться с духом, чтобы взмыть в его синеву.

Но вот мать улетела, ободряюще воркотнув. Молодые ласточки одна за другой соскользнули с шестика, пронеслись над двором, и я потерял их среди десятков таких же птиц.

Время от времени они возвращались отдохнуть на полюбившемся шестике. А иногда какая-нибудь из них залетала в сенцы, забиралась в опустелое гнездо и выглядывала из него. Мне казалось, что молодая ласточка при этом улыбалась широким своим ртом, — как расшалившийся долговязый подросток, со смехом втиснувшийся в младенческую колыбель.

Ростом молодые сравнивались со взрослыми птицами. Но у старых касаток была на груди оранжевая манишка, чёрный блестящий «фрак» имел длинные фалды-косицы. А у молодых пятнышко на груди едва обозначилось, косицы хвоста были короче. И были они не чёрными, а серыми. Как будто молодые ласточки ещё не успели отряхнуться от пыльных потёмков гнезда.

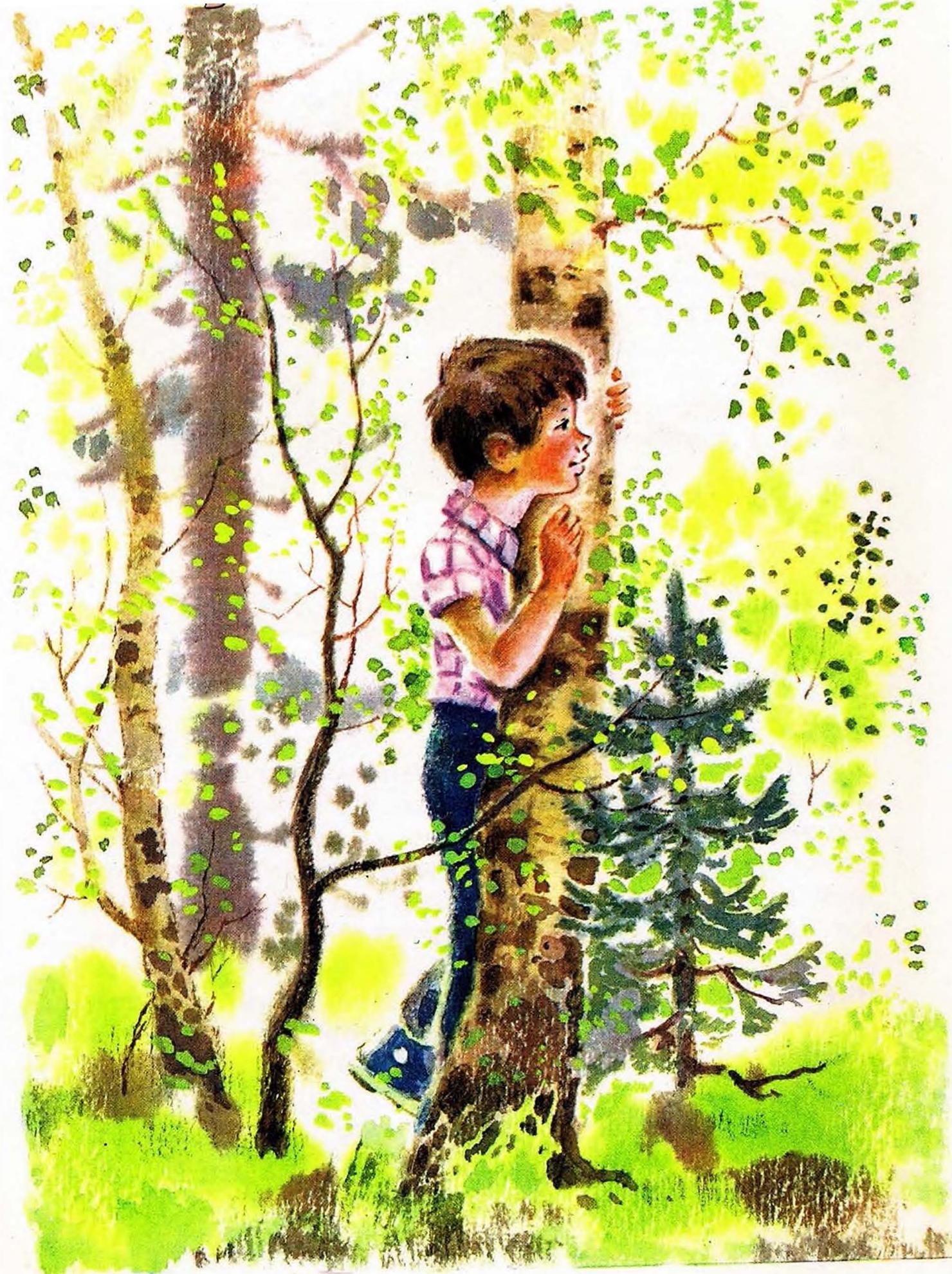

КТО, КТО В ТЕРЕМОЧКЕ ЖИВЁТ?

Как радостен и весел майский светлый лес!
Чувствуешь себя погружённым в зелёное тра-
вяное, лиственное царство.

Золотистым солнечным дымом стоит в стволах
деревьев воздух. Поляны, как чаши, налиты го-
рячим светом. Мелькнёт впереди меж ветвей этот
свет, разлившийся просторно, как над озером,
присядешь под пологом листвы и видишь: желте-
ют на празднично убранных полянах круглые го-
ловки купальниц, тянутся к солнцу яркие одуван-
чики, играют над цветами бабочки-лимонницы.

Лес звенит голосами птиц. Пересвистываются
в вершинах берёз иволги, поют пеночки, зяблики
и зарянки. В тенистом овражке, заросшем черё-
мухой, крушиной и таволгой, щёлкает соловей.

Скворец юркнул в трещину-морозобоину на старой липе — из неё донёлся писк и возня обрадованных скворчат. В гнезде на толстой развилине клёна стоит во весь рост дроздёнок, удивлённо смотрит на меня круглым глазом. Возможно, я первый из людей, увиденных дроздёнком. Сквозь перья на его голове торчат смешные жёлтые волосишки.

Где же остальные? А, вон они! Успели разлететься и сидят на нижних ветвях берёз. Сегодня в дроздином посёлке переполох: взрослые птицы шумно переживают день первого вылета из гнезда. Этот, желтоволосый, трусит. Дрозды суетятся, подбадривают:

— Давай, давай смелее!

В дряхлой, уронившей свою вершину осине — круглое, будто коловоротом выкрученное, дупло. Легонько стучу пальцем по коре, как бы спрашивая:

— Кто, кто в теремочке живёт?

Из дупла высовывается голова дятлихи, носом к носу со мной. Дятлиха рассержена. Так и кажется, что она по-учительски строго смотрит поверх спущенных на кончик носа очков:

— Кто стучал? Зачем?

— Извините, — прикладываю я к груди букетик цветов и отступаю от дуплистой осины. — Не вылетайте, не бойтесь... Я уйду.

— Такой большой, — укоризненно смотрит на меня дятлиха. — К чему стучать? Стыдно!

— Я просто так... Хотел проверить, живёт ли кто в дупле-теремке, — и отступаю, всё отступаю от осины.

Дятлиха скрывается в глубине дупла.

— Сейчас все теремки заняты, — представляется мне, как ворчит она в дупле. — Зачем тревожить? Ведь не кончилась пора птичьих гнёзд...

